Гладкова Татьяна Николаевна, аспирантка кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: t.n.gladkova@gmail.com

КОНФЛИКТ РЕЛИГИОЗНОГО И СВЕТСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В РОМАНАХ ГРЭМА ГРИНА «СИЛА И СЛАВА» И «МОНСЕНЬОР КИХОТ»

В статье рассмотрен конфликт религиозного и светского мировоззрения в романах Грэма Грина «Сила и слава» (“The Power and the Glory”, 1940) и «Монсеньор Кихот» (“Monsignor Quixote”, 1982), а также особенности его писательской стратегии и способы выражения авторской позиции. Утверждается, что авторское начало выражается косвенно: через сюжет, композицию и художественные детали. Произведения отразили сложное сочетание объективации изображаемого за счет устранения открытого вмешательства автора и субъективации, которая проявилась в стремлении изобразить индивидуальное мировосприятие героев.

Ключевые слова: *Грэм Грин, «Сила и слава», «Монсеньор Кихот», образ автора.*

Tatiana N. Gladkova, PhD student at the Chair of Foreign Journalism and Literature, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University; e-mail: t.n.gladkova@gmail.com

THE CONFLICT BETWEEN THE RELIGIOUS AND SECULAR OUTLOOK IN GRAHAM GREENE'S NOVELS "THE POWER AND THE GLORY" AND "MONSIGNOR QUIXOTE"

The article examines the conflict between the religious and secular outlook in Graham Greene's novels "The Power and the Glory" (1940) and "Monsignor Quixote" (1982) as well as the features of his writing vision and the ways of expressing the author's position. It is argued that the latter is expressed indirectly through the plot, composition and artistic details. The novels involve a complex combination of the objectification of what is described by eliminating the author's open intervention and its subjectification manifested in an aspiration to depict the characters' individual perception of the world.

Key words: *Graham Greene, "The Power and the Glory", "Monsignor Quixote", image of the author.*

Введение

В произведениях XX столетия значительно возросла роль так называемого «субъективного начала»: на первый план вышло изображение жизни «в аспекте психологии индивида» (Затонский, 1973: 403). С.Н. Филюшкина в монографии «Современный английский роман» обратила внимание на важное отличие классических произведений от романов XX в.: если в первом случае авторы были убеждены в существовании морального абсолюта, с точки зрения которого и оценивали своих героев, то создатели произведений XX в. эту веру утратили. Исторический период, полный мировых катастроф, обусловил расплывчатость и некоторую абстрактность общих моральных понятий, когда «настороженное отношение к нравственному абсолюту» сочеталось с «усилившимся кризисом веры в общественные институты» (Филюшкина, 1988: 22). Все это повлияло на формы раскрытия авторского сознания и выражение авторской позиции в произведении. Особенно ярко это проявилось в творчестве английского романиста Грэма Грина (1904–1991).

Цель данной работы – определить особенности его писательской стратегии и способы выражения авторской позиции. Объектом изучения выступают романы писателя, а конкретным предметом – способы выражения авторской позиции в них. Для этого была избрана качественная стратегия исследования, включающая в себя реферирование, систематизацию и обобщение источников, их интерпретацию и критическую оценку, а также сюжетный анализ. Метод контекстуального анализа помогает рассмотреть биографический, исторический и литературный контекст, что улучшает понимание исследуемого объекта.

Грэм Грин отличался крайне противоречивыми и непоследовательными взглядами практически на все стороны жизни: будь то политика, социальные преобразования или религия. Это непостоянство отразилось в его произведениях: почти каждое из них построено на сопоставлении, а зачастую даже борьбе идей и мнений. А.М. Зверев отмечал, что вообще все романы писателя – это «та или иная разновидность диалога персонажей, стремительно перерастающего в спор ответственный и серьезный, касающийся фундаментальных основ человеческого существования» (Зверев, 1989: 202–203).

Характерны в этом отношении произведения, затрагивающие религиозную проблематику. Как известно, переход Грина в католичество положил начало годам религиозных исканий, мучитель-

ных попыток писателя избавиться от сомнений и разрешить необычайно важный вопрос об основании религиозных верований, что оказалось чрезвычайно плодотворным для его творчества. Создав множество произведений, так или иначе затрагивающих тему веры, писатель прошел трудный путь от «пишущего католика» до «католика-агностика». Эти «полюса» его творчества нашли свое отражение в двух романах, о которых идет речь в данной статье: «Сила и слава» (*"The Power and the Glory"*, 1940) и «Монсеньор Кихот» (*"Monsignor Quixote"*, 1982).

Основу каждого из них составляет полемика между идейными противниками: в первом случае между лейтенантом-атеистом и преследуемым им священником, во втором – католическим прелатом и коммунистом. Рассматривая противоположные позиции, писатель пытается найти ответы на ключевые для себя вопросы, связанные с религией. На наш взгляд, столкновение двух антагонистов иллюстрирует противоречия, терзавшие самого Грина.

«Сила и слава»[1]

Действие романа «Сила и слава» разворачивается в Мексике периода «красных рубашек» и гонений на католицизм. Основным для Грина становится вопрос о необходимости религии не только для конкретного человека, но для общества в целом. Поначалу кажется, что автор склоняется к отрицательному ответу. Лейтенант, главный противник религии, думает о благе своего народа – не метафизическом, а вполне реальном, земном. Он искренне верит в прогресс и считает своим долгом убить последнего священника, который, как и его собратья, уже фактом своего существования мешает достижению высокой цели.

Мексиканские священники, которых изображает Грин, служат лучшим подтверждением правоты лейтенанта: большинство бежало от своего служения, кого-то расстреляли, а один из них, падре Хосе, подчинился новому закону и женился, став наглядным примером слабости и бесполезности веры в Бога, которая не может ни подарить счастья, ни спасти, ни даже помочь достойно принять смерть. Кроме того, писатель искусно подбирает эпитеты и сравнения, характеризующие представителей католической веры по большей части уничижительно: падре Хосе сравнивается с боровом, которого ведут на бойню, последний священник, ключевой персонаж романа, «взвизгивает как собака», представляется «маленьким», «несчастным», «из-

мученным». Единственным «героическим» священником в прямом смысле этого слова оказывается персонаж религиозной книги, которую читает одна из семей. Однако история его жизни настолько неправдоподобна и скучна, что маленький мальчик предпочитает играть в «краснорубашечников», а не слушать рассказы про мученика.

Лейтенант, всегда подтянутый, собранный, целеустремленный, становится настоящим кумиром для этого ребенка и для его друзей. Сам лейтенант испытывает по отношению к детям нежность и хочет сделать их жизнь гораздо лучше, чем она была у него, он готов ради этого «испепелить весь мир – сначала Церковь, потом иностранцев, потом политиков»[2].

Грин ничуть не идеализирует главного оппонента лейтенанта и ярко рисует его прегрешения. Пьяница-священник с незаконнорожденной дочерью, кажется, олицетворяет все, от чего хочет избавиться новая власть: прежде всего бездеятельное добро и порочное ханжество.

Подобно многим другим, он пытался покинуть страну и не сделал этого только из-за случайного стечения обстоятельств: вынужденный откликнуться на зов сына умирающей женщины, он направился к ней, чтобы принять исповедь, и опоздал на пароход. Автор подчеркивает, что, упуская свой последний шанс на спасение, священник вовсе не руководствуется благородными побуждениями – герой лишь видит в стечении обстоятельств волю судьбы, которую невозможно ослушаться, а потому не испытывает ни радости, ни гордости. Чувства священника характеризует бытовая метафора: мистер Тенч, зубной врач, сравнивает его с человеком, «который боится ожидаемой боли, но мужественно опускается в зубоврачебное кресло»[3].

Автор не вмешивается в повествование напрямую. Он лишь тщательно изображает сознание героя, его переживания, для того чтобы показать интересные ему аспекты рассматриваемого вопроса. Грин сосредотачивает внимание читателя на попытках самоанализа священника, его внутренней эволюции и утверждает важную для себя мысль о бесполезности и даже вреде слепого следования религиозным догмам.

Автор дает читателю возможность сопоставить прошлую и настоящую жизнь пьющего падре. Раньше ему казалось, что спасать души «легче легкого, все равно, что копить деньги»[4], а священнический сан – хороший способ избежать ненавистной бедности и обеспечить себе комфортное существование. Но жизнь в гонениях

поставила под сомнение религиозные формулы, которыми он прежде руководствовался. Священник понял, что в те годы, когда был более или менее чист нравственно с точки зрения католических догм, он был одновременно и несносен. Порой ему казалось, что «грехи простительные – нетерпение, мелкая ложь, гордыня, упущенные возможности творить добро – отрешают от благодати скорее, чем самые тяжкие грехи»[5].

Яркой иллюстрацией этого утверждения служит подробное описание чувств священника к незаконнорожденной дочери. Он любит плод своего греха мучительной любовью, осознает это чувство и не может по-настоящему в нем раскаяться, что немыслимо с точки зрения католической веры. Вместе с этой любовью священник ощущает груз ответственности за дочь, который кажется ему гораздо тяжелее ответственности за людские души, который он формально несет, будучи священником и придерживаясь требований религии, ведь «на Бога можно положиться, Бог снизойдет, а можно ли ждать снисхождения от черной оспы, от голода, от мужчин...»[6].

Дискуссия двух антагонистов поначалу носит заочный характер. Грин усиливает впечатление от нее, используя прием монтажа.

Несмотря на внутреннее перерождение, священнику поначалу трудно избавиться от прежних привычек. Проповедуя крестьянам, он выражает именно те идеи, против которых яростно протестует лейтенант. По словам священника, все страдания, которые испытывают его слушатели, помогут им в дальнейшем полнее вкусить райское блаженство.

Позицию лейтенанта мы узнаем почти сразу. Грин вкладывает в уста своего героя доводы, которые на рациональном уровне выглядят убедительнее того, о чем говорил священник. «*Вместо того чтобы насытить вас, священники разглагольствуют о царстве небесном*. Вот умрете, говорят они, и все будет прекрасно. А я говорю вам – все будет прекрасно, когда они умрут, и поэтому вы должны нам помочь»[7]. Готовым религиозным клише священника лейтенант противопоставляет «деятельное добро», утешение, которое можно достигнуть уже сейчас, провозглашает религию главным противником счастья и спокойствия. Показательно, что последнее слово остается именно за лейтенантом, и его аргументы не опровергнуты на рациональном уровне в тексте романа.

Автор показывает уязвимость позиции лейтенанта иным способом: он изображает противоречие между его благородной идеей принести счастье своему народу и методами, которыми он собира-

ется этого достичь. Лейтенант на словах готов отдать людям все, а на деле забирает самое дорогое, что у них есть – родных и близких, отказываясь брать на себя ответственность за гибель мирных жителей и возлагая всю вину на священника, который якобы вынуждает его поступать подобным образом.

Стоит отметить сцену, где два антагониста впервые встретились лицом к лицу: последний священник был среди крестьян, к которым обращался лейтенант, но остался неузнанным. Вместо сытого и самодовольного служителя церкви, которого лейтенант видел на фотографии, перед ним стоял измученный маленький человек, достойный сочувствия, но никак не ненависти. Образ последнего священника, который нарисовал себе этот благородный «красно-рубашечник», уже давно перестал соответствовать действительности, причем не только внешне, но и внутренне.

Лейтенант убеждается в этом, арестовав, наконец, своего врага. Сцена ареста священника одна из самых сильных в романе: «пьющий падре» вновь упускает шанс на спасение, спеша принять исповедь умирающего человека. Однако на этот раз в священнике нуждается не бедная женщина, а грабитель и убийца, среди жертв которого был ребенок. Падре уже не чувствует себя игрушкой в руках судьбы, он сознательно отказывается от шанса сохранить свою жизнь и отправляется выполнять долг, зная, что отправляется в западню «красных рубашек».

По пути к месту суда и казни лейтенант наконец получает возможность бросить в лицо врагу все обвинения. В открытом столкновении он вновь кажется более убедительным. На выпады противника священник отвечает готовыми формулами о всеобщем несчастье, которого не стоит бояться, ведь финал всех ожидает один – смерть. Лейтенант убежден, что священнослужителей на территории Мексики необходимо уничтожить, потому что они опасны для населения. Такие, как падре, способны только на то, чтобы усовестить грешника в исповедальне, и не сделают ничего, чтобы исправить причиненное им зло. Он упрекает священника в том, что по его вине расстрелял троих заложников, то есть свой народ, и теперь не может не испытывать к священнику ненависти. «Дело не в тебе, а в твоих идеях», – говорит лейтенант[8], показывая тем самым, что по-прежнему видит в священнике скорее ненавистный образ, чем живого человека.

Переворот происходит, когда священник фактически исповедуется лейтенанту, рассказывая о своей жизни, своих страхах, сомнениях и гордыне. Впервые это настолько ясно и полно выражается

не в форме внутреннего монолога, а в форме открытого высказывания. Парадоксально, но признание героем своей полной несостоятельности как священника заставляет лейтенанта несколько пересмотреть свое отношение к нему и даже постараться облегчить его ношу, выйдя за рамки принятой им идеологии.

Священник же перед смертью переживает окончательное преображение. Только познав и признав свои грехи, он, наконец, избавился от гордыни и ощутил себя нелепым глупцом, который ничего не сделал для людей, но смел полагать, что окажется лучше других священников. Его казнь почти ничем не отличается от казней остальных, но именно она окончательно все меняет. Так, лейтенант вовсе не чувствует себя счастливым, он ощущает, что «действенная любовь, заставлявшая его палец нажимать на курок, выдохлась и умерла» (Грин, 1993: 208), мистер Тенч находит в себе силы предпринять попытку изменения безрадостной жизни, а мальчик, который когда-то историям о мучениках веры предпочитал игры в «краснорубашечников» и восхищался лейтенантом, теперь с радостью встречает нового священника, прибывшего в Мексику, и припадает к его руке.

«Монсеньор Кихот»[9]

Спустя почти 40 лет после «Силы и Славы» Грин создает роман «Монсеньор Кихот», который можно назвать в какой-то мере итогом его интеллектуальных и нравственных исканий. По своей структуре и наполнению он очень напоминает роман «Сила и слава», что не раз отмечали исследователи (Hoskins, 1999: 259): снова писатель строит произведение по принципу дискуссии между двумя непримиримыми, казалось бы, оппонентами, которые обсуждают наиболее острые вопросы, связанные с их верованиями. «Расстановка сил» тоже оказывается схожей: с одной стороны, прагматичный марксист, который выступает за активные действия и социальные преобразования, а с другой – идеалистически настроенный священник, связывающий счастье с верой в Бога. Однако на этот раз Грин сталкивает двух идейных противников при иных обстоятельствах и ведет повествование в совершенно ином, ироничном тоне. Более того, парадоксальным образом оба героя оказываются друзьями. Грин снова исследует вопрос об основе религиозных верований, но на этот раз делает это в сравнении с коммунизмом – одной из главных «религий» XX в.

Санчо, бывший мэр испанской провинции, по-настоящему верит в Маркса и его идеи. Ему настолько не хочется видеть на своем месте преемника-франкиста, что он уговаривает друга, отца Кихота, недавно ставшего монсеньором, отправиться вместе с ним в путешествие. Упомянутый отец Кихот – «простодушный и кроткий старик, склонный, однако, к независимым мыслям, сомнениям и нестандартным поступкам» (Мень, 1992: 36). Грин снова сосредотачивается на изображении мыслей и чувств персонажей, и использует их для того, чтобы показать наиболее важные аспекты рассматриваемого вопроса.

Монсеньор Кихот и коммунист Санчо в своих разговорах не стремятся обойти острые углы. К самым ярким их столкновениям можно отнести спор о репрессиях и рассуждения о том, какое из верований – христианство или коммунизм – погубило больше людей. Санчо вспоминает Торквемаду, монсеньор же напоминает о Сталине. Бывший мэр полагает, что несколько миллионов человеческих жизней в обмен на коммунизм на половине земного шара – не такая уж большая цена. То же говорит и монсеньор: несколько сотен смертей привели к тому, что Испания осталась католической страной. Правда, вскоре место Торквемады занял Франко, а место Сталина – Брежнев. Санчо предлагает достигнуть согласия хотя бы в том, что «великих людей всегда сменяют люди мелкие, а с мелкими людьми, пожалуй, легче жить»[10]. В таком доброжелательном ключе и заканчиваются, как правило, все споры между католиком и коммунистом.

Здесь, в отличие от «Силы и славы», ни одна из сторон не одерживает победы. Убедительных доводов в пользу той или иной точки зрения в дискуссии не находится. И монсеньор, и коммунист разбивают аргументы друг друга и находят компромисс путем признания общих недостатков и взаимного уважения воззрений. Важно упомянуть их убежденность в необходимости сомнения, отмеченную исследователями (Филюшкина, 2010: 123). Оба пытаются его преодолеть, но понимают, что без сомнений жизнь превратится в пустыню Сахару, «где все убеждены в истинности лишь одного верования»[11]. Отрицание бездумного следования готовым догмам, выхолащивающим жизнь, и принятие важности сомнений становятся основой для окончательного сближения антагонистов, наметившегося еще в «Силе и славе».

В результате достижения подобного компромисса главным противником отца Кихота оказывается вовсе не марксист Санчо, а

католические функционеры. Именно с ними на протяжении всего романа по-настоящему «сражается» монсеньор Кихот. Помимо уже упомянутого епископа, их представляет отец Эррера, преемник Монсеньора. Он отличается от доброго старика буквально всем: от манеры держать себя до приверженности иным теологическим подходам, которые дотошно соблюдает. Беседы отца Кихота с ним не менее полемичны, чем споры с коммунистом. Например, они расходятся во мнениях относительно Евангелий: первому больше по душе «Евангелие устрашения» (от Матфея), а второму – «Евангелие любви» (от Иоанна). Отец Кихот вынужден часто вступать в мучительный для себя спор с религиозными догмами, которые обязан соблюдать, ради того чтобы выполнить свою непреложную обязанность – помочь ближнему. Однако в критические моменты он доверяется непосредственному нравственному чувству, а не буквам катехизиса или советам епископа.

Вспомним сцену последнего сражения благородного рыцаря-католика, который пытается защитить выставленную на торги статую Девы Марии. «Неужели ради этого она смотрела на то, как умирал в муках ее сын? <...> Чтобы на этом разбогател какой-то священник?»[12], – спрашивает себя Кихот и решительно бросается навстречу процессии. На фоне происходящего безумия чрезвычайно одинокой выглядит фигура монсеньора, готового, несмотря на угрозу своей жизни, защищать идеалы, в которые верит. Характерно, что поддерживает его только один человек, не имеющий никакого отношения к католицизму, – коммунист Санчо.

Искренняя вера католика-монсеньора не могла не оказать влияния на такого же верующего, но в коммунизм. Перед смертью отец Кихот причащает Санчо и невольный свидетель происходящего считает это причастие вполне действительным, несмотря на видимое отсутствие необходимых внешних атрибутов. Чудаковатый монсеньор пробудил в душе коммуниста Любовь, и это чувство удивляет Санчо. Он не без страха думает: сколько времени может продлиться такая любовь и к чему она приведет его, немолодого коммуниста? Оставленный без ответа вопрос делает финал романа открытым.

Писатель остался верен важной для него гуманистической идее, которая была затронута еще в «Силе и славе»: любые разногласия, даже самые принципиальные, невозможно победить ненавистью – а только любовью, ведь насилие порождает насилие. Человечность важнее любых идей и эффективных формул, даже

самых масштабных, обещающих всеобщее счастье на земле, а жизнь – гораздо сложнее и не может полностью в них уместиться. Слепое следование любым формулам и догмам ограничивает человека и не дает ему познать жизнь.

Выводы

Таким образом, в обоих романах фактически нет героев-протагонистов – конфликт религиозного и светского мировоззрений не получает однозначного решения. Фигура автора выглядит раздвоенно: с одной стороны, ему импонируют искренняя вера, благородство и желание принести людям счастье, демонстрируемые противниками религии (лейтенантом и Санчо), а с другой – герои-католики, которые, отказываясь от неукоснительного соблюдения религиозных догм и полагаясь лишь на нравственное чувство, делают свою позицию шаткой, но открывают новую жизнь, полную любви и сострадания к ближнему («пьющий священник» и отец Кихот). Сталкивая две противоположные позиции в диалоге, Грин на рациональном уровне не может утвердить ни одну из них.

Это говорит о сложности стратегии, избранной автором, который, не вмешиваясь в повествование, выражает свою позицию через внесубъектные формы: сюжет, композицию и отбор художественных деталей. Именно таким образом доказывается необходимость веры вне всяких рациональных оснований в романе «Сила и слава», и так же в романе «Монсеньор Кихот» Грин высказывает важную для себя гуманистическую идею, согласно которой сближение даже самых непримиримых антагонистов может стать возможным на почве любви, взаимного уважения и отказа от слепой веры во что бы то ни было. Романы Грина отразили сложное сочетание объективации изображаемого за счет невмешательства автора и субъективации, которая проявилась в стремлении изобразить индивидуальное мировосприятие героев, характерное для английской литературы XX в.

Примечания

---

[1] *Грин Г.* Сила и Слава // Соч.: в 6 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1993.
[2] Там же. С. 58.
[3] Там же. С. 18.
[4] Там же. С. 81.

[5] Там же. С. 134.
[6] Там же. С. 66.
[7] Там же. С. 74.
[8] Там же. С. 184.
[9] *Грин Г.* Монсеньор Кихот. М.: Молодая гвардия, 1989.
[10] Там же. С. 39.
[11] Там же. С. 66.
[12] Там же. С. 203.

Библиография

Затонский Д.В. Искусство романа и XX век. М.: Худож. лит., 1973.

Зверев А.М. Парадоксы Грэма Грина // Дворец на острие иглы. М.: Советский писатель, 1989.

Мень А.В. Трудный путь к диалогу. О романе Грэма Грина «Монсеньор Кихот». М.: Радуга, 1992.

Филюшкина С.Н. Современный английский роман. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1988.

Филюшкина С.Н. «Нет, не песчинка!». Размышления над романами Грэма Грина. Воронеж: Изд-во «Институт ИТОУР», 2010.

Notes

Greene G. (1989) *Monsen'or Kikhot.* [Monsignor Quixote]. Moscow.: Molodaya Gvardiya Publ.

Greene G. (1973) *Sila i slava* [The Power and the Glory]. Moscow: Khudozhestvennaya. Literature Publ.

References

Filyushkina S.N. (1998) *Sovremennyy angliyskiy roman* [The Modern English Novel]. Voronezh: Voronezh St. Univ. Publ.

Filyushkina S.N. (2010) *«Net, ne peschinka!». Razmyshleniya nad romanami Grema Grina* ["No, not a grain of sand!" Reflections on the Novels of Graham Greene]. Voronezh: ITOUR Institute Publ.

Hoskins R. (1999) *Graham Greene: an Approach to the Novels.* New York: Garland Publishing Inc.

Men' A.V. (1992) *Trudnyy put' k dialogu. O romane Grema Grina «Monsen'or Kikhot»* [A Difficult Path to Dialogue: On Graham Greene's "Monsignor Quixote"]. Moscow: Rainbow Publ.

Zatonskiy D.V. (1973) *Iskusstvo romana i XX vek* [The Art of the Novel and the 20th Century]. Moscow: Khudozhestvennaya. Literature Publ.

Zverev A.M. (1989) *Paradoksy Grema Grina* [Graham Greene's Paradoxes]. Moscow: Societ Writer Publ.

Поступила в редакцию
27.12.2017